

Дzieje biurokracji tom IV

Малика Султановна Арсанукаева
(Российская Правовая Академия)

Управление Чечней и Ингушетией в первые десятилетия XIX века

Процесс утверждения России на Северном Кавказе, в том числе в Чечне и Ингушетии, продолжался не одно столетие и проходил в сложных условиях сопротивления, оказываемого как местными горскими обществами, так и противодействием соседних держав — Персии и Турции, преследующих свои геополитические интересы в данном регионе.

В отечественной науке сложилась различная периодизация истории взаимоотношений народов Северного Кавказа и России. В частности, известный кавказовед М. М. Блиев выделяет следующие этапы: 1) установления русско-кавказских связей и присоединения народов Кавказа к России и 2) утверждения на Кавказе царского военно-административного аппарата, превратившего этот регион в колонию России, и развертывания освободительной борьбы горцев, направленной против насаждения колониально-крепостнических порядков¹.

Одним из этапов активизации политики России на Северном Кавказе является рубеж XVIII-XIX вв., когда процесс присоединения к империи значительной части горских народов на добровольной основе вступил в завершающую стадию. В этот период предметом широкого обсуждения в высших административных и военных кругах становится вопрос о наиболее оптимальных методах управления горскими племенами Северного Кавказа. Екатерина II указом от 5 мая 1785 года *О составлении Кавказского наместничества из двух областей: Кавказской и Астраханской*, данным Сенату, вводит новую форму управления, наиболее приемлемую, с точки зрения правящих кругов, для решения задач по кавказской губернии и астраханской области². Кавказское наместничество создавалось „путем завоеваний и соглашений с местными владетельными князьями“³. В соответствии с новым указом от 9 мая 1785 г. *Об устройстве Кавказской губернии и области Астраханской*, данным исполняющему должность генерал-губернатора Саратовского

---

¹ М. М. Блиев, *К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России*, „Вопросы Истории“, 1970, nr 7, s. 43-56.

² Полное Собрание Законов Российской Империи (dalej: ПСЗРИ), собрание I, t. 22, ukaz nr 16193, s. 388.

³ Gosudarstwienyj Archiw Rossijskoj Fiedieracii (dalej: GARF), zesp. 730, op. 1, sygn. 1662, k. 1.

и Кавказского П. С. Потемкину, в состав кавказской губернии вошли следующие уезды: екатериноградский, кизлярский, моздокский, александровский и ставропольский⁴. Губернским центром указом от 9 мая 1785 г. объявлен город Екатеринодар⁵. Первый наместник на Кавказе - генерал-поручик П. С. Потемкин, он же командующий Кавказской линией получил широкие полномочия по управлению краем и нес ответственность перед самой Екатериной II⁶.

В период наместничества П. С. Потемкина не предпринимались какие-либо серьезные меры по организации управления горскими племенами. Основная политика заключалась в том, чтобы проявлять по отношению к горцам лояльность, поощрять торговлю с ними, оказывать поддержку переселившимся на равнину „из Кавказских гор“⁷. Считалось, что горцы сами найдут „собственную выгоду“ в „причислении под управление“, установленное Российской Империей, участвуя в выборе судей, в „торге, промыслах прочих позволенных упражнении“. В этих делах горцам обещалась свобода, а местным военным и гражданским начальникам приказывалось не стеснять их „в том ни под каким видом“. Вопрос о взыскании податей с „разных народов“ отдавался на рассмотрение казенной палаты⁸.

Невмешательство во внутренние дела горских обществ, попытки установить с ними лояльные отношения, поощрение торговли в „русских границах“, переселение наиболее надежных в русские границы и другие мирные средства политики Российской Империи на Кавказе носили временный и вынужденный характер. В условиях сложных внешнеполитических отношений Российской Империи конца XVIII-начала XIX вв. и отсутствия достаточных ресурсов (военных, финансовых и др.) применение более жестких средств выстраивания отношений с горцами, в т. ч. Чеченцами и Ингушами, не представлялось возможным.

Пограничный характер кавказских территорий, сложность взаимоотношений с горцами и выбор военной тактики как наиболее эффективной в деле окончательного покорения жителей края обусловили создание в конце XVIII в. на Северном Кавказе новых городов: Ставрополя, Кизляра, Моздока и Владикавказа. В указе Екатерины II от 9 мая 1785 г. прямо указывалось на необходимость строить новые города „для обуздания своевольных и для надежнейшего сохранения внутреннего в них порядка“ и подчинить их городскому положению от 21 апреля 1785 г.⁹

Будучи одновременно военными крепостями, все они служили форпостами российской власти, военно-стратегическими пунктами и административными центрами в регионе. К концу XVIII-началу XIX вв. надзор за Осетией, Чечней и Ингушетией осуществляли коменданты и начальники военных команд указанных крепостей. Прикрепление горского населения к какой-либо из них не

⁴ ПСЗРИ, собрание I, т. 22, указ nr 16193, s. 388; *Кавказский календарь на 1848 г.*, Tiflis 1847, s. 10.

⁵ ПСЗРИ, собрание I, т. 22, указ nr 16194, s. 389.

⁶ ПСЗРИ, собрание I, т. 22, указ nr 16193, s. 388; указ nr 16194, s. 388-390.

⁷ ПСЗРИ, собрание I, т. 22, указ nr 16194, s. 389.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

было установлено в официальном порядке и происходило по усмотрению местной военной администрации, исходя преимущественно из территориальной близости отдельных племен и удобства управления ими.

По имеющимся данным, к началу XIX в. большая часть равнинной Чечни (1781 г.) и Ингушетии (1770 г.) признала подданство Российской Империи, заключив соглашения с комендантами местных крепостей (во Владикавказе и Кизляре)¹⁰. Отдельные влиятельные фамилии и владельцы приносили клятву верности и находились на царской службе в еще более ранний период российской истории. О принятии „чеченскими народами“ присяги верности русскому правительству неоднократно сообщалось в рапортах наместнику в начале 1773 г.¹¹

По установившейся традиции в XVI-начале XIX вв. все горские общества, отдельные владельцы и уздени, присягнувшие русскому царю, предоставляли аманатов (заложников)¹². Наличие аманатов помогало держать кавказских горцев в покорности. Об этом свидетельствует, в частности, один из рапортов генерала-поручика П. С. Потемкина князю Г. А. Потемкину¹³. Было разработано специальное „Положение“ об аманатах. По мере упрочения русской власти, подтверждения покорности или лояльности местных народов необходимость в предоставлении от них аманатов отпадала. Так, в письме министру финансов гр. Василькову от 20 марта 1802 г. главнокомандующий в Грузии генерал-лейтенант К. Ф. Кнорринг указывал, что в связи утверждением в Большой и Малой Кабарде родовых судов и расправ в представлении аманатов от кабардинского народа необходимости больше нет. Вместо них в аманаты были взяты в количестве 24 человек от Чеченцев, Ингушей и других горских народов¹⁴. Нередко аманаты брались насильно¹⁵.

Содержание аманатов зависело от знатности происхождения, общественного положения и текущей ситуации. В случае нарушения условий соглашений заложникам грозило тюремное заключение, ссылка во внутренние губернии или в Сибирь. Случалось, что бывшие аманаты пополняли ряды российской армии¹⁶.

28 февраля 1792 г. Екатериной II принимаются два именных указа: 1) об учреждении Кавказской Линии от Кизляра до Екатеринограда¹⁷, строительстве

¹⁰ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления, Moskwa 1997, s. 291.

¹¹ Rossijskij Gosudarstwennyj Wojenno-Istoriczeskij Archiw (dalej: RGWIA), zesp. 52, op. 1/194, sygn. 286, k. 1.v, 11.

¹² Э. А. Борчашвили, Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII-XIX вв., Tbilisi 1988, s. 152.

¹³ RGWIA, zesp. 52, op. 1/194, sygn. 366, k. 13-14v.

¹⁴ Акты Кавказской Археографической Комиссии (dalej: АКАК), t. 1, art. 1101, Tyflis 1866, s. 743.

¹⁵ Документальная история образования многонационального государства Российского, ks. 1, Moskwa 1998, s. 263.

¹⁶ Э. А. Борчашвили, dz. cyt., s. 258-259; Ш. А. Гапуров, М. С. Арсанукаева, Русско-чеченские отношения на рубеже XVIII-XIX вв. (историко-правовой аспект), „Wschodni Rocznik Humanistyczny“, t. V, 2008, s. 97-128.

¹⁷ Кавказский календарь на 1848 г., s. 10.

новых укреплений и переселении на линию шести донских казачьих полков¹⁸; 2) об учреждении в Большой и Малой Кабарде родовых судов и расправы для отдельных владельческих фамилий и Верхнего Пограничного Суда. Родовой суд приравнивался по компетенции к уездному, а родовая расправа — „ниже-земскому“ суду. Суды действовали в составе председателя, двух заседателей и муллы, разрешая дела по адату и шариату. Верхний Пограничный Суд, рассматривал уголовные дела по законам Российской Империи и „апелляционные дела по обычаям“. В его состав входили комендант г. Моздока, два штаб-офицера и заседатели из местных жителей¹⁹. Таким образом, этот суд представлял собой первый опыт привлечения горцев к управлению через участие в судебном разбирательстве выборных представителей от населения и духовных лиц, вызывающих доверие русской власти. Впоследствии он получил применение и к другим народам Северного Кавказа, в частности, к Чеченцам²⁰.

Кавказское наместничество просуществовало чуть более 10 лет. По указу Павла I, данному Сенату от 12 декабря 1796 г., *О новом разделении Государства на Губернии* территория Кавказа вошла в состав астраханской губернии²¹. В 1789 г. на должность наместника Кавказа назначается генерал-аншеф граф И. П. Салтыков, 1798 г. - генерал-лейтенант К. Ф. Кнорринг, 1792 г. - граф И. В. Гудович.

Несмотря на внешнюю лояльность и покровительство русских комендантов и военного командования, сложности во взаимоотношениях с горцами существовали всегда. Не случайно весь период последней четверти XVIII в. характеризовался волнениями в отдельных горских обществах. Угроза экзекуций всегда висела над теми, кто проявлял непокорность. Большое влияние на выбор политической линии с Чеченцами и их соседями имело, в частности, восстание под предводительством шейха Мансура (1785-1891 гг.) из чеченского селения Алды, охватившее целый ряд горских обществ Северного Кавказа²². Многие дореволюционные авторы утверждали, что шейх Мансур был посланником Турции, прибывшим на Кавказ, чтобы „возмутить“ местные горские народы²³. Проповедническая деятельность шейха Мансура, по мнению Е. Максимова, положила начало движению „газават“, направленному против „неверных“, и ускорила начало военных действий в 20-60. гг. XIX в.²⁴. Поддержкой Турции объясняют успех движения горцев Северного Кавказа также некоторые советские и современные исследователи, рассматривающие его как войну горцев против христиан и русского народа²⁵. В то же время часть авторов, напротив, объясняет восстание

¹⁸ По данным Н. А. Волконского в 1792 г. была учреждена Терская линия zob. Н. А. Волконский, *Кавказ в 1787-1799 гг.*, „Кавказский Сборник“, t. 15, Tuflis 1891, s. 17. С 1798 г. на линию переселяются гребенские казаки. Zob. *Кавказский календарь на 1848 г.*, s. 10.

¹⁹ Н. А. Волконский, dz. cyt., s. 30.

²⁰ З. М. Блиева, *Административные и судебные учреждения на Северном Кавказе в конце XVIII-первой трети XIX в.*, Leningrad 1984, s. 11, autoreferat pracy kandydackiej.

²¹ ПСЗРИ, собрание I, t. 24, ukaz nr 17634, s. 229-230.

²² *Кавказский календарь на 1848 г.*, s. 10.

²³ Н. Данилевский, *Кавказ и его горские обитатели*, Moskwa 1846, s. 118.

²⁴ Е. Максимов, Чеченцы, „Терский Сборник“, ks. 2, Władykaukaz 1893, s. 28.

²⁵ П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа*, В 3 ч., Petersburg 1869; Г. Алкадари, *Дагестан*,

шейха Мансура также как и Кавказскую Войну, причинами политического, религиозного и социального характера²⁶.

Начало XIX в. характеризовалось активизацией Российской Империи на Кавказе. Во-первых, закрепляются достигнутые здесь позиции, вводятся новые учреждения управления „замиренными” местными народами и суды, в которых дела разрешаются преимущественно на основе местных обычаев и по шариату; во-вторых, предпринимаются меры по установлению и упрочению отношений с верхушкой „непокорных” народов; в-третьих, берется курс на завершение присоединения данного региона к империи и решается вопрос о выборе наиболее приемлемых для этого средств.

Вся первая половина XIX в. прошла под непосредственным влиянием на кавказскую политику императоров Александра I и Николая I. В этот период разрабатываются и предлагаются на „высочайшее усмотрение” различные проекты покорения Кавказа. Прислушиваясь к своим подчиненным, император Александр I, нередко совершал самые противоречивые шаги, колеблясь от политики „ласкания” горцев, поощрения торговли, формирования местной элиты и т. д., которую предлагала еще Екатерина II²⁷, до одобрения военных акций против них какими бы жестокими по своим последствиям они не были. Этим объясняется неопределенность и неустойчивость политической линии в регионе, исходившая как от самого императора, так и его кавказских управленцев.

В 1800 г. Коллегия Иностранных Дел для управления „замиренными” и „покорными” горцами Северного Кавказа официально учредила институт приставов во главе с главным приставом. В наставлении, данном коллегией от 30 сентября 1800 г. к с. Макарову, „определенному по делам калмык и других Азиатских народов” рекомендовалось „личным обращением и правдивыми поступками” к местным владельцам и старшинам, „стараясь вникнуть в права их и обычаи каждого народа” и приравниваясь к ним, заслужить доверие. Более того, требовалось внушать своим подчиненным „никаких обид, огорчений и насилия [...] никому не чинить, взятки не брать и других к тому не допускать, под опасением

Machaczkała 1929; Н. С. Киняпина, М. М. Блиев, *Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России*, Москва 1984; А. Беннигсен, *Народное движение на Кавказе в XVIII в.*, Machaczkała 1994; А. Терещенко, *Лжепророк Мансур*, [w:] *Россия и Кавказ сквозь два столетия*, Москва 2001; М. К. Багиров, *Вопросу о характере движения мюридизма и Шамия, „Большевик”*, 1950, nr 13; Н. А. Смирнов Шейх, *Мансур и его турецкие вдохновители, „Вопросы Истории”*, 1950, nr 10; tegoż, *Турецкая агентура под флагом ислама (восстание шейха Мансура на Северном Кавказе)*, [w:] *Вопросы истории, религии и атеизма*, Москва, 1950; А. В. Фадеев, *Возникновение мюридизма на Кавказе и его социальные корни, „История СССР”*, 1960, nr 5; М. М. Блиев, *Россия и горы Большого Кавказа. На пути к цивилизации*, Москва 2004; В. Б. Виноградов, *Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1971-1975 гг.)*, „История СССР”, 1997, nr 3; *История Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.*, Москва 1988; Р. М. Магомадов, *Россия и Дагестан*, Machaczkała 1987 i in.

²⁶ Ш. Ахмадов, *Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе*, [w:] *Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва 19-20 апреля 2005 г.*, pod red. X. И. Ибрагимова; В. А. Тишкова, Москва 2006. s. 151-152; В. Х. Акаев, *Ислам в Чечне: история и современность*, [w:] *Чеченская Республика и чеченцы: история и современность*, s. 88-89; Ш. А. Гапуров, *Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 годы)*, Nalczik 2003, s. 55 i in.

²⁷ П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год*, cz. 1, Petersburg 1859, s. 260-261.

суда и законного взыскания"²⁸. Главный пристав подчинялся непосредственно Коллегии Иностранных Дел. Таким образом, возникла двойная административная зависимость горцев как военным, так и гражданским властям. Коменданты крепостей, осуществлявшие надзор над Ингушетией и Чечней, будучи военными, находились под управлением командующего Кавказской линией. Однако возросшая бумажная волокита и финансовые расходы, острое недовольство военной администрации по поводу передачи местного населения в гражданское ведомство, злоупотребления приставов и другие факты, выявленные комиссией во главе с генерал-майором Вердеревским, заставили Комитет Министров принять решение о переподчинении института приставов военным властям. Кавказская губерния перешла в ведение главнокомандующего в Грузии.

Значительным событием в истории кавказских народов стало присоединение Грузии к России, закрепленное манифестом от 18 января 1801 г. *О присоединении Грузинского царства к России*²⁹.

Присоединение Грузии заставило российское правительство снова обратиться к вопросу об управлении Кавказом, и т. к. подробности правления не были определены, то таковая обязанность возлагалась на Сенат. Созданный в этих целях специальный комитет подготовил проект реформ военно-гражданского управления, ставший основой указа Правительствующему Сенату от 9 сентября 1801 г.³⁰ Император Александр I именным указом от 12 сентября 1801 г. *Об учреждении внутреннего в Грузии управления*, данным Сенату, поручил генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу его обнародовать и привести в исполнение³¹. Новое управление состояло из главнокомандующего, правителя и верховного грузинского правительства, которым руководил главнокомандующий. Верховное правительство разделялось на 4 экспедиции, каждая из которых занималась отдельными вопросами управления и действовала „по возможности, на основании общих“ российских законов. Постановления правительства подлежали утверждению главнокомандующим, который согласно манифесту российского императора 1801 г. получил статус главноуправляющего Кавказом³².

Манифестом и именным указом императора от 12 сентября 1801 г. в адрес Коллегии Иностранных Дел вводилось положение о соединении должности главнокомандующего и главноуправляющего в Грузии и на Кавказе в лице генерал-лейтенанта К. Ф. Кнорринга³³. Ему предоставлялось право разрешать все ходатайства и просьбы обывателей, согласовывая с императором лишь наиболее важные случаи³⁴. В манифесте подтверждались сословные и имущественные (удельные) права и привилегии, свобода вероисповедания горских народов. Все подати обещалось употребить на восстановление и нужды края³⁵.

²⁸ АКАК, т. 1, art. 1072, Tyflis 1866, s. 727-731.

²⁹ ПСЗРИ, собрание I, т. 26, ukaz nr 19721, s. 502-503.

³⁰ АКАК, т. 2, art. 1889, Tyflis 1868, s. 919.

³¹ GARF, zesp. 730, op. 1, sygn. 1662, k. 1v.

³² Там же.

³³ ПСЗРИ, собрание I, т. 26, ukaz nr 20007, s. 786.

³⁴ GARF, zesp. 730, op. 1, sygn. 1662, k. 1v.

³⁵ Там же.

В соответствии с указом от 15 ноября 1802 г. создаются астраханская губерния и кавказская, которая в административном отношении делилась на 5 уездов: кизлярский, моздокский, георгиевский, александровский и ставропольский³⁶. Главным военным и гражданским начальником обеих губерний становился инспектор Кавказской Линии, он же главноуправляющий в Грузии. Инспектору подчинялись гражданские губернаторы или военные управляющие гражданской частью³⁷. В кавказскую губернию назначается свой губернатор, подчинявшийся главноуправляющему в Грузии, а в его отсутствие – Правительствующему Сенату и министерству „по роду дел, им подлежащих, прямо от себя, извещая только о том Главного Начальника”. Административным центром объявляется Георгиевск, получивший статус губернского города³⁸. По новому положению сохранялись Верхний пограничный суд в Моздоке и родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде³⁹. Сами горцы весьма негативно отзывались об этих судах, указывая, что, хотя судьи „из самых лучших и первых людей избираемы были, [...] их никто не слушался, а мушлы делали, как хотели, а строгого наказания за невыполнение дел не требовалось”⁴⁰.

Новому главнокомандующему предписывалось не вмешиваться в дела горцев и стараться избегать с ними вооруженных конфликтов. В 1804 г. главноуправляющим на Кавказе назначается князь П. Д. Цицианов (в 1806 г. убит в г. Баку)⁴¹, получивший статус „главного военного и гражданского начальника на Кавказе”. Учитывая сложность и ответственность поставленных перед новым кавказским управленцем задач – наведение порядка в Грузии, расширение территории Закавказья и покорение горцев Северного Кавказа, - ему предоставляются широкие права и возможность действий. Формулируя основные направления административной политики в отношении горцев Кавказа, П. Д. Цицианов находил, что при организации управления горцами необходимо учитывать их обычаи и традиции, признавать права горских владельцев в отношении своих подданных и осуществлять правосудие по местным обычаям. В то же время горские владельцы постоянно должны были находиться в поле зрения начальников близ лежащих русских военных гарнизонов. В отношении родовых судов, действовавших в Кабарде и других горских обществах, П. Д. Цицианов подчеркивал сложность в организации их деятельности, т. к. при „всяком выборе” в них местными властями „употребляемы были батальоны и пушки”. Принимая во внимание менталитет горцев, признавалось необходимым именовать местных чиновников не иначе как „начальник”, потому как, например, должность пристава не вызывала у них никакого уважения⁴². С целью усиления авторитета русских начальников горских областей предлагалось ввести для них должность генерал-

³⁶ ПСЗРИ, собрание I, т. 27, указ nr 20511, s. 363.

³⁷ Там же, s. 363-364; З. М. Блиева, dz. cyt., s. 11-12.

³⁸ ПСЗРИ, собрание I, т. 27, указ nr 20511, s. 363.

³⁹ Там же, s. 364.

⁴⁰ АКАК, т. 3, art. 1112, Tyflis 1869, s. 649.

⁴¹ *Словарь кавказских деятелей*, Tyflis 1890, s. 75.

⁴² RGWIA, zesp. 482, op. 1, sygn. 105, k. 36.

майора, т. к. более низкие военные чины горцами не почитались⁴³.

Одновременно П. Д. Цицианов зарекомендовал себя как сторонник жестких методов, и в отношениях с горскими народами следовал той линии, которую ему предписал Александр I, - „отвращать между ними единомыслие“, разжигать рознь и ненависть друг к другу⁴⁴. Политика „разделяй и властвуй“ становится надежным средством удержания горцев в покорности российскому престолу на всем протяжении XIX-начала XX вв.

Первое десятилетие XIX в. характеризовалось тем, что официально провозглашенный курс на невмешательство во внутренний порядок жизни горских обществ систематически сменялся применением жестких военных методов. Полковник генштаба Д. И. Романовский писал, что все действия против горцев изначально были направлены на то, чтобы оградить казаков от их нападений и обеспечить беспрепятственное сообщение с Грузией. С этой целью предпринимались карательные экспедиции, „по временам [...] довольно значительные“⁴⁵. Известны указания П. Д. Цицианова командующему войсками на Кавказской Линии генералу Шепелеву „наказать“ Чеченцев „отнятием хлеба“, для чего „оставить сильный отряд“ вторгнуться в Чечню⁴⁶. Этот метод — оставление без пропитания и жилища — впоследствии часто будет использоваться против Чеченцев и других горских народов.

Кавказская военная администрация добивается признания Чеченцами и Ингушами, российского подданства. В начале 1807 г. на должность главнокомандующего в Грузии вторично назначается гр. И. В. Гудович (1806-1809 гг.)⁴⁷. Он поручает командующему на Кавказской Линии генералу С. А. Булгакову провести экспедиции в равнинную часть Чечни и лично ее контролирует⁴⁸. Против Чеченцев использовались не только регулярные войска и казаки, но и соседние горцы, в частности Кабардинцы. Отказ Кабардинцев, прибывших на место, воевать против Чеченцев вызвал особую досаду у И. В. Гудовича, т. к. разжигание розни между этими народами было одной из целей привлечения Кабардинцев в экспедицию⁴⁹. Поход не принес желаемой покорности Чеченцев и закончился со значительными жертвами с обеих сторон⁵⁰. В этих условиях И. В. Гудович начинает переговорный процесс и впервые за всю историю русско-чеченских отношений принимает чеченскую делегацию в г. Тифлисе. В апреле 1807 г. состоялось подписание официального соглашения о вступлении Чеченцев в российское подданство. Договор, скрепленный сторонами (от Чеченцев – 52 отпечатка пальцев), отсылается на хранение в архив Министерства Иностранных Дел как

⁴³ Там же, к. 37.

⁴⁴ Ш. А. Гапуров, dz. cyt., s. 200.

⁴⁵ Д. И. Романовский, *Кавказ и Кавказская война*, Petersburg 1860, s. 209.

⁴⁶ Ш. А. Гапуров, dz. cyt., s. 288.

⁴⁷ Граф И. В. Гудович еще ранее находился на этой должности в конце XVIII в. Zob. *Словарь кавказских деятелей*, Tiflis 1890, s. 31.

⁴⁸ Д. И. Романовский, dz. cyt., s. 210; АКАК, т. 3, art. 1137, s. 644; art. 1141, s. 666 i in.

⁴⁹ АКАК, т. 3, art. 1112, s. 647-649.

⁵⁰ АКАК, т. 3, art. 1147, s. 670.

акт государственной важности⁵¹. В другом документе, датированном не позднее 14 апреля 1807 г. также содержится клятвенное обещание чеченских старшин, скрепленное 51 отпечатком пальцев, включавшее аналогичные положения⁵². 11 июля 1807 г. гр. И. В. Гудович обращается в обещанием к мирным Чеченцам селений Большие и Малые Атаги, Чахкери, Гехи, Шали и Алды, старшинам и духовным лицам и ко всему народу. Народу Чечни обещаются все «выгоды и пользы» пребывания в российском подданстве⁵³. 27 августа 1807 г. И. В. Гудович поручает кумыкскому старшине хаджи Реджебу собрать чеченских старшин и передать им условия, на которых они могут войти в состав Российской Империи⁵⁴. И вскоре ему были представлены списки селений Большой и Малой Чечни, согласных с предложениями кавказской администрации селений, и ответные требования Чеченцев⁵⁵.

Известно, что с конца XVIII в. контроль над равнинной Чечней был поручен кордонным командирам. После заключения договора 1807 г. на Чечню распространяется российская система административного (приставского) управления. В июле 1807 г. гр. И. В. Гудович поручает все вступившие в российское подданство равнинные селения Чечни главному калмыцкому приставу полковнику А. И. Ахвердову. В рапорте министру иностранных дел Н. П. Румянцеву от 27 декабря 1807 г. И. В. Гудович предполагает наделить чеченских старшин, заслуживших особое доверие, правами частных приставов, превратив их тем самым в посредников между местной русской администрацией и чеченским населением. По планам И.В. Гудовича, через своих старшин „каждая деревня в делах своих и нуждах могла бы обращаться к управляющему всеми мирными Чеченцами полковнику А. Ахвердову”, а тот, в случае необходимости, - к кавказскому наместнику⁵⁶.

В течение всего 1807 г. И. В. Гудович ведет переговоры со старшинами других чеченских селений о принятии российского подданства. В октябре 1807 г. старшины 12 чеченских селений прибыли в кр. Владикавказ и принесли на Коране клятву верности российскому престолу. Чеченцы обязывались, как и по договору, заключенному в апреле, прекратить нападения на Кавказскую Линию, не принимать в своих селениях беглых солдат и казаков, за каждого беглого русского им обещали награду в 50 рублей. Они освобождались от торговых пошлин и получали другие преимущества „наравне с кабардинцами и прочими Горскими народами”⁵⁷.

К этому важному делу привлекаются авторитетные горцы. В письме И. В. Гудовича министру иностранных дел Н. П. Румянцеву от 29 декабря 1807 г. сообщалось, что Реджаб Кандуров, андреевский старшина, дважды по его пору-

⁵¹ *Документальная история...*, ks. 1, s. 258-259.

⁵² Там же, s. 260-261.

⁵³ АКАК, t. 3, art. 1147, s. 670.

⁵⁴ АКАК, t. 3, art. 1148, s. 670.

⁵⁵ АКАК, t. 3, art. 1149, s. 671.

⁵⁶ Ш. А. Гапуров, dz. cyt., s. 377.

⁵⁷ АКАК, t. 3, art. 1149, s. 673.

чению объехал чеченские селения, чтобы склонить их к покорности российскому престолу⁵⁸. Общества селений, принявших российское подданство, просили назначить к себе для исполнения обязанностей старшин или „вроде“ приставов брагунского и аксаевских владельцев. По указанию гр. И. В. Гудовича, через них „каждая деревня в делах своих и нуждах делала представление к управляющему всеми мирными Чеченцами полковнику Ахвердову“⁵⁹, который в случае необходимости выходил на кавказского наместника⁶⁰.

Кавказской военной администрацией под руководством нового кавказского правителя генерала от кавалерии А. П. Торماسова (в 1808-1810 гг. — главнокомандующий в Грузии и на Кавказской Линии) стала проводиться активная деятельность по склонению к покорности Ингушей⁶¹. В результате 23 августа 1810 г. генерал-майор И. П. Дельпоццо, комендант крепости Владикавказ (назначен на должность 10 февраля 1810 г.), заключил договор из 24 пунктов с представителями 6 известных ингушских фамилий⁶². В залог верности российскому престолу Ингуши дали 6 аманатов от каждой фамилии по выбору коменданта Владикавказской крепости⁶³.

Однако соглашения, достигнутые кавказской военной администрацией с Чеченцами и Ингушами, неоднократно нарушались как с одной, так и с другой стороны. „В глазах кавказских народов присяга на подданство, — сообщает в источнике, — особенно вынужденная победителями, „неверными“, не имела никакого значения. Так называемые мирные племена до тех пор остаются верными, пока находятся под страхом наказания от Русских войск“⁶⁴. В то же время и русская военная администрация, когда находила возможным, отступала от своих обязательств. Проблемы во взаимоотношениях с горцами не только сохранялись, но и периодически приобретали острый характер. Так, с 1 по 15 июля 1813 г. 9 кистинских селений восстали против российской администрации и были истреблены войсками под командованием полковника И. В. Тихоновского⁶⁵.

Войны России начала XIX в. с Персией (1804-1813 гг.) и Турцией (1806-1812 гг.), Отечественная война с Францией (1812-1814 гг.) прерывают процесс дальнейшего административного устройства Кавказа, в том числе и Северного Кавказа. Данный период характеризуется нестабильностью, вызванной недовольством горского населения действиями российской администрации на Северном Кавказе, подогреваемым турецкими агентами, проводившими в регионе актив-

⁵⁸ Archiw Wniesznej Polityki Rossijskoj Impierii (dalej: AWPRI), Sankt Petersburg Główny Archiw, zesp. 161.1-13, op. 10, 1806 rok, sygn. 9, k. 1-1v.

⁵⁹ В 1802-1803 гг. Ахвердов Александр Исаевич — комендант кр. Кизляр. Zob. П. Г. Бутков, dz. cyt., cz. 1, s. 530.

⁶⁰ AWPRI, Sankt Petersburg Główny Archiw, zesp. 161.1-13, op. 10, sygn. 9, k. 2v.

⁶¹ Там же, k. 9-10.

⁶² Там же, k. 16-21.

⁶³ Там же; *Документальная история...*, ks. 1, s. 267-274.

⁶⁴ GARF, zesp. 730, op. 1, sygn. 21, k. 56.

⁶⁵ *Ингуши в войнах России XIX-XX веков: Историко-документальное издание*, zebrał A. У. Мальсагов, Nalczik 2002, s. 26.

ную антироссийскую пропаганду и миссионерскую деятельность⁶⁶. Известны многочисленные фирманы, адресованные горским народам, в т. ч. и чеченским старшинам⁶⁷.

В этот период кавказская администрация стремится придерживаться политики невмешательства во внутренние дела горских племен, чтобы не спровоцировать всеобщее волнение, ведет переговоры с горской верхушкой, принимает и одаривает ее представителей. Период с 1808 по 1816 гг. на Кавказе - время правления генерала от кавалерии А. П. Торماسова (в 1808-1810 гг. - главнокомандующий в Грузии и на Кавказской Линии), генерал-лейтенанта Ф. О. Паулуччи (с 1810 г. - генерал-квартирмейстер Кавказской Армии, с 1811г. главнокомандующий в Грузии), генерала от инфантерии Н. Ф. Ртищева (назначен на должность в 1812 г.) - характеризовалось некоторым затишьем и полным отсутствием наступательной политики в отношении „непокорных” горских народов⁶⁸.

Преследованию подвергаются лишь те из кавказских жителей, которые обвинялись в связях с военными противниками империи. Так, указом от 21 января 1811 г. Александр I повелевает генералу А. П. Тормасову принять жесткие меры в отношении грузинских имеретинцев, татар и горских народов, обличенных в „явную измене государству, в побегах за границу и во вредных сношениях с неприятелями России”, судить как военных преступников „по военным артикулам”, а не по „формам гражданского уголовного суда”⁶⁹.

Примером заигрывания с Чеченцами можно считать и тот факт, что в 1812 г. на приеме у главнокомандующего в Грузии генерала от инфантерии Н. Ф. Ртищевым находились „важные люди” из Чеченцев, которым, по выражению А. П. Ермолова, „немало было дано денег”⁷⁰. Материальное поощрение значимых фигур, предоставление им чинов и наград - стало важным инструментом в отношениях с Чеченцами и Ингушами еще в XVIII в.

С завершением русско-турецкой и русско-иранской войн начала XIX в. российское правительство усиливает внимание к кавказским горцам. Окончательное присоединение Северного Кавказа к Российской Империи и покорение горцев становится актуальной задачей, решение которой значительно продвинулось в период правления на Кавказе А. П. Ермолова (1816-1826 гг.). Назначенный на должность главнокомандующего с временным подчинением кавказской и астраханской губерний А. П. Ермолов в официальных актах именовался главнокомандующим Грузией, который сносится с Сенатом⁷¹.

Во всеподданнейшем рапорте от 12 февраля 1819 г. А. П. Ермолов отмечал особую опасность для империи „внутреннего беспокойства”, восстаний и беспорядков. По его мнению, „горские народы примером своей независимости” по-

⁶⁶ З. М. Блиева, *Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII-первой трети XIX века*, Владикавказ 1992, с. 92-93.

⁶⁷ АWPRI, Sankt Petersburg Głównyj Archiw, zesp. 161.1-13, op. 10, 1809 rok, sygn. 7, k. 133-144v.

⁶⁸ Ш. А. Гапуров, *Чечня и Ермолов (1816-1827 гг.)*, Groznyj 2006, s. 84.

⁶⁹ АWPRI, Sankt Petersburg Głównyj Archiw, zesp. 161.1-13, op. 10, 1809 rok, sygn. 7, k. 154.

⁷⁰ *Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями*, cz. II, 1816-1827 гг., Moskwa 1868, s. 23.

⁷¹ GARF, op. 1, sygn. 1662, k. 2; *Словарь кавказских деятелей*, s. 37.

рождали „дух мятежный и любовь к независимости” и могли тем самым оказать влияние на своих соседей⁷². Из всех горцев Северного Кавказа особое неприятие вызывали у генерала Чеченцы („народ дерзкий и опасный”).

„Многие из горских народов смотрят на успех их хищничества и ободряемые тем, что все усилия, до селе употребляемые нами на усмирение их, были не только недействительны, но и стоили нам великой потери людей, утвердились во мнении, что они непреодолимы и потому ищут дружбы их и согласия”,

докладывал А. П. Ермолов императору в ноябре 1817 г. Единственный выход, который ему казался наиболее подходящим - смирить Чеченцев⁷³.

Император Александр I предоставил А. П. Ермолову неограниченные полномочия для решения задачи покорения горцев Кавказа. Полковник Д. И. Романовский писал, что до А. П. Ермолова действия русских:

„ограничивались только тем, чтобы наказанием горцев в их земле, разорением их аулов и угоном скота удерживать их от нападений, и заставлять более заботиться о собственной защите”.

Начало систематическим действиям русских войск против воинственных кавказских племен с целью их окончательного покорения России было положено именно А. П. Ермоловым⁷⁴.

К этому же периоду относятся первые попытки ограничения влияния мусульманских духовных лиц в горских обществах и сферы действия норм шариата при разрешении дел с участием горцев. В 1822 г. А. П. Ермоловым упраздняется Верхний Пограничный Суд для Кабардинцев и других народов в Моздоке⁷⁵. Вместо него создается Кабардинский Суд в Нальчике, преобразованный в 1849 г., и, как указывалось кавказской администрацией, принесший большую пользу. Он существовал вплоть до судебных реформ 60-70-х гг. XIX в.⁷⁶ С 1822 г. все уголовные дела были изъяты из юрисдикции традиционных общественных (медиа-торских) судов и переданы в ведение военных властей, которые стали разрешать их по российским законам.

Кавказская администрация, создавая новые органы управления и суда, отнеслась общественные институты, веками существовавшие у горцев, но при этом согласилась признать как авторитет старшин, так и духовных лиц, поставив их под свой жесткий контроль. Наиболее лояльно настроенные к русским властям представители горской верхушки с самого начала находились на службе империи с хорошим окладом, пожалованием земельных наделов, чинов и наград.

Связь горцев с мусульманским миром и их религиозные убеждения во многом поддерживались не только через проповедническую деятельность отдельных духовных лиц, но и паломничество в святые места ислама. В конце XVIII-начале XIX вв. все большее число Чеченцев получает статус хаджи и пользуется

⁷² АКАК, т. 6, cz. 1, art. 661, Tyflis 1874, s. 486-487.

⁷³ АКАК, т. 6, cz. 2, art. 873, Tyflis 1875, s. 498-499.

⁷⁴ Д. И. Романовский, dz. cyt., s. 210.

⁷⁵ *Кавказский календарь на 1848 г.*, s. 60-61.

⁷⁶ АКАК, т. 12, art. 561, Tyflis 1904, s. 644.

большим авторитетом среди соплеменников-мусульман. Представители официальных кругов Российской Империи и кавказская администрация видели в хадже не только фактор упрочения мусульманской веры среди горцев, но и распространения идей панисламизма и пантюркизма. Указом императора Александра I от 10 января в 1822 г. вводится первый официальный запрет хаджа, что также явилось результатом идеологического, военного и политического противостояния Российской Империи и соседних государств исламского мира⁷⁷. Однако, не желая обострять отношения с подвластными мусульманами, император пояснил временный характер принятой меры и заверял их в благонамеренности действий русского правительства⁷⁸. Запрет на выезд кавказских мусульман получил особую поддержку А. П. Ермолова, который, рассматривая хадж как неизбежное зло, пытался, с одной стороны, его упорядочить, а, с другой, - при первой же возможности ограничить⁷⁹. Такая политика в отношении паломничества мусульман стала преобладающей вплоть до Октябрьской революции 1917 г.⁸⁰

В первый же год своего назначения на должность (1816 г.)⁸¹ генерал А. П. Ермолов обратил свое внимание на Чечню. По его указанию в состав русских войск включаются владельцы и старшины притеречных чеченских селений, которые, как и прежде, активно используются в карательных экспедициях. Формируется чеченская милиция⁸². Все это позволило, с одной стороны, нейтрализовать, хотя бы часть Чеченцев (преимущественно равнинных), а с другой, - создать в лице поступивших на русскую службу опору для военного командования в решении задачи окончательного покорения Чечни. Прибыв лично в чеченские земли, А. П. Ермолов собрал старшин и объяснил им, что присутствие русских войск „не должно устрашать их“ в случае, если они покорятся, в противном случае, с ними поступят как с неприятелями⁸³.

В чеченские селения, расположенные на правом берегу реки Терек, А. П. Ермолов не только назначает русских приставов, но и вводит воинскую повинность для всех, изъявивших покорность и желающих служить российскому пра-

⁷⁷ Д. Ю. Арапов, *Императорская Россия и мусульманский мир*, Moskwa 2006, s. 55-56.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ А. П. Фадеев, *Россия и Кавказ в первой трети XIX в.*, Moskwa 1960, s. 306.

⁸⁰ Д. Ю. Арапов, *Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII-нач. XX вв.)*, Moskwa 2004; tegoż, *Императорская Россия и мусульманский мир*, Moskwa 2006; tegoż, *Ислам в оценке российских государственных деятелей начала XX в.*, [w:] *Российская государственность XX века*, Moskwa 2001; tegoż, *Русский посол в Турции Н. В. Чарыков и его «заключение по мусульманскому вопросу» 1911 г.*, „Вестник Евразии“, 2002, nr 2 (17); Р. Г. Ланда, *Ислам в истории России*, Moskwa 1995; Н. А. Нефляшева, *Из России в Мекку: хадж как опыт культурного пограничья*, „PaX Islamika“, 2008, nr 1; Д. М. Усманов, *Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906-1917)*, Kazan 1999; И. Нуриманов, *Хадж мусульман России: из прошлого к настоящему*, <http://www.idmedina.ru> (12.09.09); М. Якушев, *Святая земля глазами русских паломников*, <http://palomnic.org> (12.09.09); Е. А. Резван, *Хадж из России*, [w:] *Восток: история и культура*, Sankt Petersburg 2000; С. Е. Григорьев, *Российские паломники в святых городах Аравии в конце XIX-нач. XX вв.*, [w:] *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*, Вып. XVIII, pod red. Н. Н. Дьякова, Sankt Petersburg 1999 i in.

⁸¹ *Кавказский календарь на 1848 г.*, s. 16.

⁸² *Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями*, s. 45, 186; Ингушскую милицию планировалось создать еще в конце XVIII в. Zob. П. Г. Бутков, dz. cyt., cz. 2, s. 173.

⁸³ *Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями*, s. 46.

вительству⁸⁴. В том же году пристав назначается и к назрановским Ингушам⁸⁵. Новые должностные лица облагали Чеченцев и Ингушей повинностями, взымали налоги и штрафы, размеры которых устанавливали по своему усмотрению. Чеченцы и Ингуши, также как и остальные горцы, обязывались участвовать в строительстве крепостей, рубке лесов, в военных действиях против соплеменников⁸⁶. Кроме того, приставы собирали информацию о настроениях в народе, разбирали жалобы и разрешали споры с участием горцев, вели борьбу с воровством и хищениями, осуществляли наблюдение за назначением и деятельностью сельской администрации. Приставы наделялись правом наказывать виновных плетью, а в случае совершения серьезного правонарушения — передавать виновных в распоряжение вышестоящего начальства⁸⁷. В. А. Потто так писал о А. Л. Чернове, чеченском приставе, кандидатура которого получила поддержку самого А. П. Ермолова:

„Все знавшие Чернова говорят, что он был непомерно строг: за одну попытку к хищничеству он накладывал на Чеченцев громадные штрафы, в конце разорявшие семьи, а сопротивлявшихся велел закапывать в землю по пояс”.

Никакие жалобы Чеченцев местному начальству не принимались во внимание⁸⁸. Произвол приставов становился причиной расправы над ними со стороны горцев.

Стремясь усилить охрану Военно-Грузинскую Дорогу от нападений со стороны местных горцев, в 1817 г. А. П. Ермолов усилил Назрановский редут, прикрывавший дорогу из Моздока во Владикавказ, и выселил с гор в его окрестность Ингушей, поставив их буфером между местными племенами и русскими войсками. Тем самым еще больше углубляется разобщенность и вражда Ингушей с соседними Чеченцами и Кабардинцами, что само по себе, как уже указывалось, служило важным методом горской политики. Более того, Ингуши, поселенные на открытой местности, оказались под жестким контролем местной военной администрации. Для „прочного овладения горами” и окончательного покорения местных народов предполагалось занять военными укреплениями все важнейшие в стратегическом отношении места и перекрыть выход с гор. В этих целях в 1817 г. в верхнем течении р. Сунжи на дороге из Владикавказа в Моздок было построено укрепление Назрановское, а в 1818 г. в нижнем течении Сунжи - возведена крепость Грозная. В результате вся плодородная равнина Сунжи и выход из гор на равнину через Ханкальское ущелье оказались под контролем русского командования. В 1819 г. строится еще одна крепость - Внезапная, перекрывающая путь из чеченских гор на Кумыкскую плоскость и разъединяющая Чеченцев

⁸⁴ З. М. Блиева, *Административные и судебные...*, s. 13.

⁸⁵ АКАК, t. 6, cz. 2, art. 898, s. 516.

⁸⁶ *Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями*, s. 186.

⁸⁷ Ю. Ю. Клычников, *Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе, „Россия и Северный Кавказ”, Moscow 2000, nr 2, s. 81.*

⁸⁸ В. А. Потто, *Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях*, Вып. 1-4, t. 1., Petersburg 1887, s. 131-135.

и Кумыков⁸⁹. Возникли и другие крепости по берегам важнейших рек Чечни и Дагестана, в которых, как писал полковник Д. И. Романовский, и „слабые гарнизоны всегда были в состоянии удерживать горцев”⁹⁰.

В период пребывания А. П. Ермолова на Кавказе постоянно велась работа по реформированию системы управления регионом в целом. Сенаторская ревизия, организованная в Кавказской губернии, установила, что действующая система управления не соответствует местным особенностям. 24 июля 1822 г. издается высочайший указ Сенату *О переименовании Кавказской губернии Областью и о назначении уездного города Ставрополя Областным городом*⁹¹. Кавказская губерния передается в постоянное подчинение главноуправляющему в Грузии с переименованием ее в кавказскую область⁹². Во главе области назначался командир Кавказкой Линии, до издания специального положения наделенный правами губернатора. Количество уездов сократилось до четырех (александровский уезд упразднился). Новым губернским городом объявляется Ставрополь⁹³.

По новому положению городская и земская полиция на Северном Кавказе, сосредоточенная в Кизляре и Моздоке, переводилась в подчинение военным властям. Гражданское судопроизводство осуществлялось в соответствии с нормами обычного права местных горских народов и осуществлялось под контролем российских чиновников, как правило, военных. Главный Пограничный Суд в Моздоке упразднился, и производство по всем делам в округах возлагалось на уездные суды. Народы, проживающие за Кавказской Линией, оставались под управлением военных. Им предоставлялась возможность:

„в делах тяжбленных разбираться на основании их обычаев, и где удобно, под наблюдением особенно определяемых для сего чиновников; в уголовных же преступлениях подвергать Военному суду”⁹⁴.

С 6 февраля 1827 г. после прохождения всех необходимых процедур, вводится в действие *Учреждение для управления Кавказской областью*. Главнокомандующий Грузией и главноуправляющий краем формально получает широкие полномочия. Однако по большинству вопросов он непосредственно подчиняется Сенату, и многие свои действия согласовывает с центральными министерствами. Данное положение распространялось лишь на кавказскую область. В Грузии и Закавказье вплоть до 10 апреля 1840 г. продолжала действовать система управления, введенная постановлением 1801 г.⁹⁵

Тактика генерала А. П. Ермолова в отношении горцев, в т. ч. Чеченцев, неоднозначно оценивалась современниками. В целом, подавляющее большинство высших чиновников и лично император Александр I одобряли жесткие меры,

⁸⁹ Ю. Ю. Клычников, dz. cyt., s. 77.

⁹⁰ Д. И. Романовский, dz. cyt., s. 213.

⁹¹ Там же.

⁹² GARF, zesp. 730, op. 1, sygn. 1662, k. 2.

⁹³ ПСЗРИ, собрание I, т. 38, указ nr 29138, s. 568. Город Ставрополь основан в 1785 г. П. С. Потемкиным по указу Екатерины II *Об учреждении городов поблизости горских народов*. *Zob. Кавказский календарь на 1848 г.*, s. 54.

⁹⁴ ПСЗРИ, собрание I, т. 38, указ nr 29138, s. 568.

⁹⁵ GARF, zesp. 730, op. 1, sygn. 1662, k. 2-3v.

применяемые А. П. Ермоловым. Так, в отношении И. И. Дибича, исполнявшего с 1824 г. должность начальника Главного Штаба, А. П. Ермолову от 11 февраля 1824 г. отмечается, что император, получив 24 января сообщение о карательных мерах русских отрядов против Чеченцев, выразил удовлетворение принятием „столь отлично благоразумных мер, оправданных [...] лучшими последствиями“⁹⁶. Такая поддержка еще больше укрепляла мнение А. П. Ермолова в правильности предпринятой им политической линии в отношении Чеченцев и других горцев, сочетавшей как жесткость, так и послабления (одаривание, привлечение на службу, присвоение чинов и т.д.).

Не случайно период правления А.П. Ермолова ознаменовался горскими волнениями. В Чечне, например, произошло восстание под руководством Бейбулата Таймазова (Теймиева), который имел чин офицера русской армии, охватившее почти весь Северный Кавказ (1824-1825 гг.). Это была фактически первая в XIX в. попытка создания государства горцев. В начале 1826 г. восстание в Чечне прекратилось, и большинство крупных равнинных селений выразило покорность⁹⁷. В 1826 г., завершив экспедицию в Чечню, генерал А. П. Ермолов обратился к Чеченцам с прокламацией, в которой обещал сохранить жизнь всем, кто раскаивается в совершенных преступлениях, хочет спокойствия и просит пощады⁹⁸. Меры контроля над Чеченцами, установленные при А. П. Ермолове, прочно вошли в практику военной администрации вплоть до середины XIX в. Любые попытки уклонения от повинностей наказывались конфискацией скота или другого имущества в качестве штрафов и контрибуции, жестоко подавлялись силой оружия. При применении репрессий действовал принцип коллективной ответственности семьи, рода, соплеменников за проступки их родственников. Генерал-лейтенант Н. Н. Раевский-младший (1801-1843 гг.) писал, что царские военачальники нередко „мстили целым племенам за вину нескольких лиц“⁹⁹. Ему же принадлежат слова:

„Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами“⁹⁹.

А. П. Ермолов представлял Кавказ как великую крепость, защищаемую полумиллионным народом, которую можно было взять штурмом либо осадой. В период своего правления А. П. Ермолов составил проект предложений по покорению народов Кавказа¹⁰⁰. В 1827 г. по поручению Николая I Сибирский Комитет стал заниматься разработкой проекта *Учреждение для управления Кавказской областью*¹⁰¹.

Учитывая особый менталитет Чеченцев, после подавления восстания под руководством Б. Теймиева 1 июля 1826 г. А. П. Ермолов предписывал генерал-

⁹⁶ *Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века)*, т. 3, cz. 1, Machaczkała 1940, s. 177-178.

⁹⁷ Ш. А. Гапуров, *Чечня и Ермолов...*, s. 386.

⁹⁸ *Документальная история...*, ks. 1, s. 284.

⁹⁹ А. П. Фадеев, dz. cyt., s. 308-309.

¹⁰⁰ З. М. Блиева, *Некоторые черты административного развития Северного Кавказа в 20-х годах XIX в.*, [w:] *Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства)*, Groznyj 1990, s. 80.

¹⁰¹ ПСЗРИ, собрание II, т. 2, ukaz nr 877, s. 107; ukaz nr 878, s. 107-155.

майору Лаптеву добиваться большей гибкости в отношениях с ними, чтобы представители власти строго следовали своим обещаниям, принимали каждого, выслушивали с терпением. Одновременно разрешалось преследовать лиц, обманувших местное начальство, а изменивших - наказывать строго¹⁰².

В 1827 г. Николай I утвердил *Учреждение для управления Кавказской областью*¹⁰³. В данном документе определена структура аппарата управления Кавказом и основные функции различных его подразделений. Кавказская область учреждалась в пределах бывшей кавказской губернии и состояла в одном управлении с Грузией. Система органов управления делилась на четыре ступени: главное, областное, окружное и волостное¹⁰⁴.

Кавказская область делилась на четыре округа: ставропольский, георгиевский, кизлярский и моздокский. Местным властям вменялось всеми возможными мерами способствовать обращению инородцев в российское подданство. „Залинейные” инородцы или горские народы, не входившие в Общее управление, находились в ведении линейных воинских начальников в порядке установленном Учреждением. Дела этих народов решались областным начальником и главным управляющим Кавказом. Судопроизводство по уголовным делам осуществлялось военным судом. В исковых делах как между собой, так и с „посторонними людьми”, горцам предоставлялось право разбираться на основании „древних обычаев”¹⁰⁵. Для „внутренних инородцев” учреждалось Внутреннее управление и новая организация судебного разбирательства. Дела по общественным преступлениям (измена, возмущение в народе, побег за границу со злым умыслом, подвод хищников заграничных) подлежали рассмотрению и разрешению военным судом по распоряжению областного начальника. Частные преступления (убийство, грабеж, насилие, фальшивомонетничество, кражи) — ревизии окружного и областного судов на основе общих узаконений. Исковые дела рассматривались и разрешались через посредников особым органом — Внутренним управлением инородцев — на основании местных обычаев и традиций. Жалобы на судебные решения, если сумма иска превышала 100 руб., рассматривались окружными судами, в которых дела разрешались „порядком следственным”. Решения окружных судов обжаловались в апелляционном порядке в вышестоящие судебные инстанции¹⁰⁶.

В 1828 г. представители российской администрации в кр. Владикавказ получили задание и приступили к разработке основ судопроизводства для горцев Северного Кавказа. В состав Владикавказского Инородческого Суда планировалось включить „почтеннейших владельцев” из Осетин и старшин от назрановских Ингушей. Председательство в суде поручалось владикавказскому коменданту либо назначаемому им русскому чиновнику. Однако Ингуши отказались принять участие в работе суда, ссылаясь на различия в нормах обычного права,

¹⁰² АКАК, т. 6, cz. 1, art. 895, s. 510.

¹⁰³ ПСЗРИ, собрание II, т. 2, ukaz nr 878, s. 107-155.

¹⁰⁴ Тамже, s. 108.

¹⁰⁵ ПСЗРИ, собрание II, т. 2, ukaz nr 878, s. 122.

¹⁰⁶ Тамже.

и просили учредить для них отдельный суд под председательством пристава Щелкачева. В 1830 г. произошли события, которые изменили данное положение. По приказу главнокомандующего Отдельным Кавказским Корпусом предпринимаются карательные экспедиции в Осетию и Ингушетию во главе с генерал-майором князем И. Н. Абхазовым в целях „наказания” горцев, подвергавшихся нападениям Военно-Грузинскую Дорогу¹⁰⁷. В результате, к присяге были вновь приведены Джераховцы, Кистины, Ингуши¹⁰⁸. К ним назначается пристав Константинов¹⁰⁹.

В том же, 1830 г., часть Карабулаков приняла участие в начавшейся Кавказской Войне на стороне Кази-Муллы, первого имама Дагестана и Чечни. В 1832 г. в наказание за это и убийство пристава Константинова в горную Ингушетию направляется экспедиция под командованием барона Г. В. Розена¹¹⁰.

В создавшихся условиях кавказская администрация, решаясь ужесточить контроль над горцами, пересматривает состав Владикавказского Иностранного Суда, который был реорганизован в окружной суд для Осетин и Ингушей. Таким образом, Ингушам было отказано в собственном суде¹¹¹.

Особенностью управления Кавказом следует считать тот факт, что на каждом этапе реформирования существовавшей здесь военно-административной системы выбор политических средств во многом зависел от личности и взглядов конкретных управленцев. Генерал-адъютант барон Г. В. Розен, новый главноуправляющий гражданской частью на Кавказе - командир Отдельного Кавказского корпуса (1831-1837 гг.)¹¹², предпринял попытку вернуться к региональному подходу в организации управления Кавказом. Недовольство деятельностью Г. В. Розена на Кавказе вынудило Николая I в марте 1837 г. направить к нему комиссию во главе с бароном П. В. Ганом. Комиссия должна была представить свои выводы специальному Кавказскому Комитету, действовавшему в составе военного министра, министров финансов, внутренних дел и юстиции. В итоге проверки Г. В. Розен заменяется Е. А. Головиным, состоявшим в должности командира Отдельного Кавказского Корпуса и главноуправляющего гражданской частью и пограничных дел в Грузии, Армении и Кавказской области с 1837 по 1842 гг.¹¹³

В этот период происходят важные события в Чечне и Дагестане, сыгравшие большую роль в судьбах горских народов Северного Кавказа. Начавшаяся еще в 20. гг. XIX в. деятельность первых имамов Дагестана и Чечни — Кази-муллы и Гамзат-бека и идеи мюридизма активизировали антирусские настроения и сопровождалась эскалацией русских войск в этом регионе. В 1839 г., после победы под крепостью Ахульго и гибели Гамзат-бека, в Чечне и Дагестане вводится новое военно-административное управление. Одной из ключевых политических

¹⁰⁷ RGWIA, zesp. 846, op. 16, sygn. 6238, k. 2v; АКАК, т. 7, art. 303, Tyflis 1878, s. 365-372.

¹⁰⁸ RGWIA, zesp. 846, op. 16, sygn. 6238, k. 8-12.

¹⁰⁹ АКАК, т. 7, art. 304, s. 373.

¹¹⁰ Г. К. Мартиросиан, *История Ингушии*, Ordzonikidze 1933, s. 57.

¹¹¹ АКАК, т. 7, art. 304, s. 372.

¹¹² *Словарь кавказских деятелей*, s. 63.

¹¹³ Там же, s. 29.

фигур того времени, генералом П. Х. Граббе, командиром Чеченского Отряда русской армии, разрабатывается и представляется на обсуждение в высших кругах империи проект *Положения об управлении мирными племенами*. Всех горцев Северного Кавказа П. Х. Граббе разделял на три группы: мирных, полупокорных и непокорных¹¹⁴. В зависимости от степени покорности дифференцировались используемые политические и военные средства. В проекте предлагалось: 1) объединить народы Дагестана и Чечни в три главных приставства: кумыкское; чеченское и лезгинское; 2) все приставства подчинить начальнику левого фланга Кавказской Линии; 3) главные приставства разделить на „частные”: кумыкское и лезгинское — по четыре, чеченское — на три¹¹⁵. В лезгинское приставство входили также ауховские аулы с чеченским населением. Чеченский пристав заведовал, кроме того, надтеречными и брагунскими аулами. Что касается ингушских обществ, то они контролировались приставом, состоявшим в ведении Владикавказского коменданта¹¹⁶.

Главными и частными приставами П. Х. Граббе назначались чиновники, известные своей благонадежностью, „знакомые с горцами и испытанной преданности правительству”¹¹⁷. Приставы обязывались в соответствии со специальной инструкцией: приводить в исполнение все требования и распоряжения начальства, доносить о замыслах неблагонадежных, охранять общественное спокойствие, производить уравнительную раскладку повинностей, вести перепись аулов, домов и населения, привлекать к ответственности за маловажные проступки по народным обычаям, в качестве домашнего исправления производить арест, а при совершении тяжких преступлений виновных доставлять вышестоящему начальству¹¹⁸.

В 1839 г. П. Х. Граббе принуждает некоторые чеченские племена (Качкалыковцев, Мичиковцев, терских Ауховцев, предгорных Ичкеринцев и др.) к несению некоторых повинностей и уплате подати¹¹⁹. Чеченцы привлекаются также к общественным работам. В частности, в конце 1839 г. в течение зимы Чеченцы вырубали леса на расстоянии ружейного выстрела для безопасности продвижения войск и установления надежной связи с крепостью Грозной. Эта практика здесь упрочилась еще со времен А. П. Ермолова¹²⁰.

Е. А. Головин, вступив в должность, упразднил главное чеченское приставство, сохранив „частные приставства”. Главные приставства управлялись русскими военными. Представители из военных чиновников, местного казачества и горских племен назначались в „частные приставства”¹²¹. В этот же период

¹¹⁴ Обзор управления Левым флангом Кавказской линии, представленный генерал-адъютантом Граббе корпусному командиру на высочайшее воззрение в 1839-м году. Особое приложение к статье А.Юрова «Три года на Кавказе (1837-1839)», „Кавказский Сборник”, т. 9, Туфлис 1885, s. 26-27.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ М. М. Блиев, dz. cyt., s. 157.

¹²⁰ Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями, s. 423.

¹²¹ М. М. Блиев, dz. cyt., s. 157.

подполковник А. П. Пулло (в 1834-1840 гг. состоял в должности командира Куринского полка и начальника Сунженской Линии (уволен с Кавказа в 1841 г.) распространил полицейское правление в Малой Чечне и объявил о включении ее в сферу юрисдикции Российской Империи. Вся „покорная“ Чечня делилась на приставства. Приставы назначались самим А. П. Пулло, в том числе из Чеченцев, как правило, из милиционеров, состоявших на русской службе. По приказу А. П. Пулло вводилась своего рода воинская повинность, в соответствии с которой с каждых 10 дворов отбиралось одно ружье¹²². В этих целях в 1839-1840 гг. сначала Е. А. Головиным и П. Х. Граббе, а затем А. П. Пулло проводились экспедиции в Чечню¹²³. В ходе одной из них, предпринятой по личному указанию П. Х. Граббе в начале 1840 г., военные разорили многие аулы Большой и Малой Чечни¹²⁴. Серьезные последствия имел также поход в Малую Чечню отряда генерала А. В. Галафеева летом того же года. „Выжигая аулы и уничтожая хлеба“ отряд из 6,5 батальона, 140 орудий и 1500 казаков прошел вновь через чеченские аулы и вернулся в крепость Грозную¹²⁵. Завершается создание Сунженской, Кумыкской и Чеченской Линий строительством новых укреплений¹²⁶. Однако проведение экзекуций не исключало попыток договориться с Чеченцами, о чем свидетельствует обращение П. Х. Граббе к Ичкеринцам от 13 мая 1839 г. Все, кто давал обещание исполнить требования русского командования, заключавшееся в повиновении, могли „спокойно оставаться на своих местах, пользоваться своими землями и всем имуществом“. В противном случае, чеченские аулы ожидало полное истребление¹²⁷.

В сложившихся условиях отдельные Чеченцы предприняли попытки заручиться поддержкой турецкого султана, которые хотя и остались безуспешными, но все же вынудили местную администрацию обратить на себя внимание¹²⁸. В частности, по указанию высшего военного ведомства полковнику А. П. Пулло в крепости Грозной ведет переговоры с одним из таких депутатов - Гаджи-Магометом, развернувшим к тому времени активную деятельность среди равнинных Чеченцев, и заключает соглашение, предусматривавшее наряду с другими условиями: взимание подати с Чеченцев по 1 руб. серебром с каждого дома, обязанность Чеченцев содержать кадиев, мулл и десятников и др. Для управления Чечней и разбирательства дел между Чеченцами под непосредственным контролем местного русского начальства планировалось избрать одного эфендия, двух мулл и почетных стариков. Жалованье духовным лицам и депутатам от горцев назначалось за счет населения¹²⁹.

¹²² М. Тахир, *Три имама*, *Machaczkala* 1990, s. 49.

¹²³ М. М. Блиев, *dz. cyt.*, s. 367.

¹²⁴ *Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года*, *Ryga* 1847, s. 50.

¹²⁵ *Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1844 года*, „Кавказский Сборник“, t. 2, *Tyflis* 1877, s. 32.

¹²⁶ *Tamże*, s. 72.

¹²⁷ *Прокламация генерал-лейтенанта Граббе к ичкеринцам 13-го мая 1839-го года. Приложение к статье А. Юрова „Три года на Кавказе“*, „Кавказский Сборник“, t. 9, s. 10-11.

¹²⁸ *RGWIA*, *zesp.* 846, *op.* 16, *sygn.* 6420, k. 1-5.

¹²⁹ *Tamże*.

Однако время для умирения Чеченцев было упущено. Своими карательными экспедициями генералы успели вызвать повсеместное негодование в Чечне, которая полнилась слухами о планах русской администрации обратить население в рабство, насильственно отправить мужчин на военную службу, а женщин сделать служанками и обесчестить каждую десятую¹³⁰. Чеченцы обратились за поддержкой к имаму Шамилю, который, после поражения под Ахульго в 1839 г., со своими доверенными мюридами, находился в горной Чечне. Уже будучи имамом Дагестана и Чечни, в марте 1840 г., Шамиль „беспрепятственно“ появился на р. Сунже. Затем поднялась вся Малая и Большая Чечня. Ичкеринцы, Ауховцы, Качкалыковцы, Галашевцы и Карабулаки „пристали к мятежной партии“¹³¹. Генерал П. Х. Граббе в обзоре военных действий на левом берегу Кавказской Линии писал, что зимой 1840-1841 гг.:

„восстание в Чечне приняло совершенно новый оборот. Ни целый год войны, ни понесенные потери, ни разорение лучших аулов не заставили Чеченцев покориться [...]“¹³².

Оценивая события 1839-1840 гг., К. И. Прушановский пишет, что: „излишняя самоуверенность“ генерала П. Х. Граббе, помешала ему заняться с большей деятельностью устройством Чечни“, и тем самым утвердить здесь русское владычество. Одной из серьезнейших по своим последствиям ошибок П. Х. Граббе была, по мнению автора, та, что он доверил управление Чечней А. П. Пулло, действия которого не только лишили генерала „славы всех выгод, приобретенных им“ здесь, но и „возбудили Чеченцев против русского правления“. Все это предоставило имаму Шамилю „всю возможность отторгнуть их [...] и склонить на свою сторону“¹³³. А. Л. Зиссерман писал:

„Да, мы-таки достаточно породили в пользу мюридизма и не мало делали, чтобы продлить борьбу на многие десятилетия. В 1840 году довели до восстания Чечню [...]“¹³⁴.

Такую же точку зрения высказывают и некоторые современные историки¹³⁵.

Хотя некоторые управленцы в центре и на самом Кавказе понимали, что не следует, хотя бы временно, ломать традиционный образ жизни горцев, вводятся новый порядок гражданского управления краем, предложенный П. В. Ганом, который полностью игнорировал местные этнические, религиозные, культурные и экономические особенности¹³⁶.

В этих условиях предпринимаются новые административные реформы. В конце царствования Александра I (1801-1825 гг.) кавказская губерния была пе-

¹³⁰ *Документальная история...*, ks. 1, s. 63; М. Тахир, dz. cyt., s. 49.

¹³¹ *Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года*, s. 47.

¹³² АКАК, t. 9, art. 269, Tyflis 1884, s. 269.

¹³³ RGWIA, zesp. 846, op. 16, sygn. 6512, k. 45.

¹³⁴ А. Л. Зиссерман, *25 лет на Кавказе*, cz. 1, 1842-1851 годы, Petersburg 1879, s. 287.

¹³⁵ М. М. Вацагаев, *Чечня в годы Кавказской войны (1816-1859)*, Moskwa 1995, s. 16-17, autoreferat pracy kandydackiej.

¹³⁶ Г. Г. Лисицына, *Кавказский комитет - высшее государственное учреждение для управления Кавказом, [w:] Россия и Кавказ. Сквозь два столетия*, pod red. Г. Г. Лисицына, Я. А. Гордина, Moskwa 2001, s. 155.

реименована в кавказскую область. Начальник области, одновременно командующий Кавказской Линией, имел помощников по гражданской части¹³⁷. В Чечне административные и судебные реформы в конце 20-30-х гг. XIX в. сдерживались вовлечением населения в Кавказскую Войну¹³⁸.

Начавшиеся военные действия заставляют кавказскую администрацию идти по пути дальнейшей изоляции народов Кавказа и их противопоставления, что особенно проявилось в отношении Ингушей. Наглядно демонстрируя горцам, какими „милостями“ в случае покорности российскому правительству они могут быть „наделены“, какие „иметь преимущества“¹³⁹, создаются ингушская и чеченская милиция. Она активно привлекалась к военным действиям против имамов Кази-Муллы, Гамзат-бека и Шамиля. Новый император Николай I (1825-1855 гг.) „за храбрость, усердие и преданность“ российскому правительству, проявленную назрановцами при отражении нападения имама Шамиля на Назрань 7 апреля 1841 г., пожаловал им знамя, к которому назначались два знаменщика из почетных Назрановцев. Позже, по ходатайству наместника Кавказа фельдмаршала кн. М. С. Воронцова от 11 октября 1846 г. знаменщикам выплачивалось жалованье по 120 руб. в год каждому¹⁴⁰. В отзыве от 4 декабря 1843 г. генерал-адъютант, военный министр князь А. И. Чернышев сообщал генералу от инфантерии Е. А. Головину о новой „Высочайшей милости“, оказанной императором, по которой назрановцы были „освобождены от платежа податей в казну до особого распоряжения“¹⁴¹. Таким образом, налоговая политика, равно как и раздача чинов и других почестей, становится важным инструментом в руках кавказских управленцев в деле приведения горцев к покорности русскому правительству.

События на Северном Кавказе, неудачи русских войск, провал попыток введения нового гражданского правления вынудили российское правительство активизировать поиск наиболее эффективных институтов управления. 10 апреля 1840 г. Николай I издает наказ об изменениях в управлении Закавказским краем¹⁴². В 1842 г. при Собственной Е.И.В. Канцелярии создается Шестое Отделение, которое занималось подготовкой материалов по организации управления Кавказом¹⁴³. По итогам ревизии дел на Кавказе, проведенной специальной комиссией во главе с военным министром А. И. Чернышевым и статс-секретарем М. П. Позеном, в 1842 г. император Николаем I принимает решение об образовании особой формы гражданского и военного управления в регионе - Кавказского Комитета¹⁴⁴. Указом Сенату от 3 февраля 1845 г. все существовавшие ранее учреждения упразднились, а деятельность Кавказского Комитета распространялась на весь Кавказ (Закавказский Край и кавказскую область)¹⁴⁵. Кавказский

¹³⁷ GARF, zesp. 569, op. 1, sygn. 115, k. 7-7v.

¹³⁸ З. М. Блиева, *Административные и судебные...*, s. 16.

¹³⁹ RGWIA, zesp. 846, op. 16, sygn. 6672, k. 38v.

¹⁴⁰ Там же, k. 27-27v.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² ПСЗРИ, собрание II, t. 12, ukaz nr 16205, s. 113-122.

¹⁴³ И. А. Исаев, *История государства и права: учебник*, wyd. 4, Moskwa 1999, s. 235.

¹⁴⁴ Г. Г. Лисицына, dz. cyt., s. 155-156.

¹⁴⁵ Там же.

Комитет, состав которого назначался лично императором, получил статус высшего государственного органа при императоре с законосовещательными и административными функциями для управления Закавказьем и Кавказской областью. Он служил связующим звеном между учреждениями местного управления Кавказом в лице его наместника и центральными имперскими органами во главе с императором¹⁴⁶. Деятельность комитета контролировалась VI отделением канцелярии императора¹⁴⁷.

Начало деятельности Кавказского Комитета совпало с пребыванием на посту главноуправляющего Закавказским Краем и командира Отдельного Кавказского Корпуса генерал-адъютанта А. И. Нейдгардта (1843-1844 гг.)¹⁴⁸, чье правление ознаменовалось событиями, сыгравшими важную роль в политике Российской Империи в отношении Чеченцев и Ингушей. В частности, оно совпало с началом активной фазы Кавказской Войны и выбором преимущественно силовых методов утверждения имперской власти, прежде всего в Чечне. В этот период предпринимаются шаги по формированию российских административных учреждений и социальной базы на вновь присоединенных территориях. Однако компетенция нового наместника носила более ограниченный характер, по сравнению с его предшественниками, что объясняется активной деятельностью и широтой полномочий Кавказского комитета.

Необходимость проведения кардинальной реформы системы управления на Кавказе и сложность военной ситуации требовали назначения на пост руководителя более авторитетной личности, способной действовать самостоятельно и принимать ответственные решения. В качестве таковой императором Николаем I выдвигается генерал-адъютант кн. М. С. Воронцов. При вступлении в должность главнокомандующего Отдельным Кавказским Корпусом в (1844-1854 гг.)¹⁴⁹, М. С. Воронцову присваивается звание наместника и учреждается, таким образом, Кавказское Наместничество, в которое входила и кавказская область¹⁵⁰.

Рескриптом от 30 января 1845 г. *Об усилении прав Главноуправляющего Гражданскою частию на Кавказе* Николай I еще более расширил полномочия наместника. Все дела, исходящие из главного управления, и ранее подлежавшие согласованию с соответствующими министерствами, разрешились непосредственно наместником на месте по своему усмотрению, который, кроме того, освобождался от председательства в совете главного управления¹⁵¹. 6 января 1846 г. императором утверждаются правила об отношениях наместника Кавказа с другими органами центрального и местного управления¹⁵², закреплявшие свободу его действий и самостоятельность¹⁵³, 5 февраля 1845 г. товарищем министра юстиции объявля-

¹⁴⁶ Там же, s. 154.

¹⁴⁷ Там же, s. 156.

¹⁴⁸ *Словарь кавказских деятелей*, s. 56.

¹⁴⁹ Там же, s. 25. Назначение М. С. Воронцова на должность состоялось 24 декабря 1844 г. Zob. *Кавказский календарь на 1848 г.*, s. 23.

¹⁵⁰ ПСЗРИ, собрание II, t. 21, ukaz nr 19590, s. 17-18.

¹⁵¹ GARF, zesp. 730, op. 1, sygn. 1662, k. 4v-5; ПСЗРИ, собрание II, t. 20, ukaz nr 18679, s. 152.

¹⁵² ПСЗРИ, собрание II, t. 21, ukaz nr 19590, s. 17-18.

¹⁵³ Там же.

ется высочайший указ *Об образовании при Наместнике Кавказском особой канцелярии*¹⁵⁴. На Кавказе в 1844-1845 гг. действовало „особенное“ правление¹⁵⁵, а в 1844 г. установился режим наместничества. Наместнику с его Советом и канцелярией подчинялись начальник округов. Регион делился на губернии во главе с губернаторами и губернскими правлениями. Создавались губернские суды, казенные палаты и палаты государственных имуществ¹⁵⁶.

Особенность правления М. С. Воронцова заключалась в том, что он пытался приспособить Кавказский Край к империи с учетом местных особенностей. В этих целях ликвидируются последствия реформы П. В. Гана, и делается распоряжение о составлении *Наказа гражданского управления и судебного производства*. В отчете за деятельность с 25 марта 1845 г. до 1 января 1846 г. наместник писал, что завершается работа над частью этих законов, и выражал мнение о необходимости постепенного введения их в отдельных округах¹⁵⁷.

В 1847 г. кавказская область преобразуется в ставропольскую губернию. Край стал делиться на губернии, называвшиеся по названиям главных городов. В них создавались губернские канцелярии, председатели которых (заместители губернаторов) входили в состав канцелярии наместника. В губернских судах часть мест отводилась представителям из коренных кавказских жителей. Дела передавались в суды уездными советами правосудия, состоявшими из российских чиновников и представителей кавказских племен. Последнее нововведение повысило доверие горцев к российским органам управления и поощряло их желание служить России. Горская администрация для покорных племен оставалась такой же, как и во времена А. П. Ермолова: ими „заведовали“ приставы, подчиненные в административном отношении начальникам отделов Кавказской Линии¹⁵⁸. В 1847 г. учреждается в г. Владикавказе народный суд для горцев, входивших в состав Владикавказского Военного Округа, просуществовавший длительное время и принесший, по мнению кавказской администрации, „большую пользу“ для местного населения, в т. ч. Ингушей¹⁵⁹.

Деятельность кн. М. С. Воронцова на посту наместника на Кавказе носила самый разносторонний характер, затрагивала экономику, промышленность, торговлю, культуру. Наместник многое сделал, в частности для развития образования и просвещения кавказских народов. Однако все эти преобразования коснулись, преимущественно, Закавказья, так как Северный Кавказ продолжал находиться в состоянии войны. При нем, в 1845 г. создано Кавказское Линейное Казачье Войско и продолжен начатый еще в 1838 г. генералом Е. А. Головиным процесс заселения равнины, где ранее располагались горские аулы, казачьими станицами и слободами с русскими-переселенцами, особенно активизировавшийся в годы Кавказской Войны, углубивший напряжение между горцами и ка-

¹⁵⁴ ПСЗРИ, собрание II, т. 20, указ nr 18679, s. 151-152; указ nr 18706, s. 169-170.

¹⁵⁵ И. А. Исаев, dz. cyt., s. 236.

¹⁵⁶ Там же, s. 251.

¹⁵⁷ АКАК, т. 10, Тифлис 1885, s. 843.

¹⁵⁸ GARF, zesp. 677, op. 1, sygn. 511, k. 9v.

¹⁵⁹ АКАК, т. 12, art. 561, s. 644.

заками. За пятнадцать лет переселенческой политики здесь возникло 30 новых станиц с тремя казачьими полками. Одновременно 6 поселений и слобод превращаются в станицы Терского Казачьего Войска¹⁶⁰. Тем самым, закладываются основы переселенческой политики в кавказском регионе.

Князь М. С. Воронцов, так же как и его предшественники, стремился заручиться поддержкой горской верхушки, способствовал формированию из привилегированных сословий и старшин местной элиты и введению ее в состав правящих кругов Российской Империи. В мусульманских районах края наместником восстанавливаются социальные и имущественные права владельцев и духовенства, отобранные имамом Шамилем. Все это придало, конечно, кн. М. С. Воронцову огромный авторитет¹⁶¹. В то же время в 30-40-х годах XIX в. кавказской администрацией поддерживаются попытки крещения некоторой части горцев, начало которым было положено созданной в кр. Кизляре в 1745 г. Осетинской Духовной Комиссией из грузинских духовных лиц, проводившей крещение Осетин, а с их помощью и остальных горцев¹⁶². В 1831-1834 гг. при поддержке местных казачьих частей, состоялось крещение некоторых селений Назрановского общества, что имело весьма трагические последствия. Как писали Ингуши, из-за крещения целые семьи оказались разобщенными по религиозному признаку и „не стало никакого миролюбия и не в одном согласия, усилилась вражда, ненависть [...]”¹⁶³. С просьбой разрешить вернуться в ислам в 1842 г. Ингуши обратились к военному министру А. И. Чернышеву. В 1843 г. их делегация принимается Николаем I. Хотя им и было отказано, в условиях, когда в соседней Чечне и Дагестане шла война, Ингушам обещается свобода вероисповедания, запрещается впредь насильственное крещение и облегчается исполнение обрядов для крещенных¹⁶⁴.

Годы правления М. С. Воронцова пришлись на время активных боевых действий в Дагестане и Чечне¹⁶⁵. Вся территория Северного Кавказа, хотя и неравномерно¹⁶⁶, покрылась крепостями, укреплениями, опорными пунктами¹⁶⁷, число которых, как указывается в источниках, „умножилось непомерно”¹⁶⁸. Для контроля выхода из гор, покорения горцев и подчинения их русской администрации здесь содержались огромные контингенты войск, численность которых

¹⁶⁰ Э. Д. Мужухоева, *Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX-нач. XX в.*, Moskwa 1989, s. 52-54, maszynopis pracy kandydackiej.

¹⁶¹ *Национальные окраины...*, s. 300.

¹⁶² RGWIA, zesp. 405, op. 6, sygn. 6463, k. 79-79v.

¹⁶³ Там же, k. 28.

¹⁶⁴ RGWIA, zesp. 405, op. 6, sygn. 6463, k. 33.

¹⁶⁵ GARF, zesp. 792, op. 1, sygn. 6, k. 1, 8, 17, 22, 31, 44, 56, 61 i nast.

¹⁶⁶ Там же, k. 52.

¹⁶⁷ Всего по Кавказской линии русскими войсками было занято 70 укрепленных пунктов (6 крепостей, 32 укрепления и 31 укрепленный пункт). Zob. GARF, zesp. 730, op.1, sygn. 21, k. 53. Из них в Чечне важное стратегическое значение имели крепости Грозная (с близлежащими укреплениями Тепли-Кичу, Умахан-Юрт и Горячеводская) и Воздвиженская (с расположенными к западу от нее укреплениями — Ачхоевское и Урус-Мартановское). Zob. GARF, zesp. 730, op. 1, sygn. 21, k. 46-46v, 51-51v.

¹⁶⁸ Там же, k. 57.

в Чечне особенно возросла в 20-50. гг. XIX в.¹⁶⁹. Принцип военной стратегии в кавказском регионе заключался в следующем:

„Покорность, вынужденная только силою оружия, должна быть оружием постоянно поддерживаема“¹⁷⁰.

Решение поставленной задачи облегчалось тем, что уже со второй половины 40. гг. XIX в. все большее число Чеченцев стало испытывать разочарование в имаме Шамиле и его наибах, подчинялась им только из боязни расправы и лишения имущества. Некоторые уважаемые в Чечне духовные лица и старшины вступали в переговоры с русским командованием об условиях возвращения на свои прежние места¹⁷¹.

Часть местных старшин, несмотря на притеснения со стороны имама Шамиля, все же продолжала оказывать содействие русским войскам, пользовалась доверием командования и имела за это поощрения. Так, в 1845 г. по ходатайству наместника Кавказа кн. М. С. Воронцова, Приал Алиев Булгучев, карабулакский старшина, добровольно принявший российское подданство был награжден серебряной медалью с надписью „За храбрость“ на георгиевской ленте¹⁷². 12 января 1845 г. военный министр кн. А. И. Чернышев докладывал о переговорах офицеров из командования русских войск в Чечне „с Исса Кадием, самым значительным лицом в Малой Чечне“, пожелавшим со своей семьей „отклониться“ от имама Шамиля¹⁷³. И таких примеров было много.

В период правления кн. М. С. Воронцова в крае продолжают административные реформы. В частности, в 1847 г. кавказская область преобразуется в ставропольскую губернию. Горская администрация для покорных племен оставалась такой же, как и во времена А. П. Ермолова: ими „заведовали“ приставы, подчиненные в административном отношении начальникам отделов Кавказской Линии¹⁷⁴. В 1847 г. учреждается в г. Владикавказе народный суд для горцев, входивших в состав Владикавказского Военного Округа, просуществовавший длительное время и принесший, по мнению кавказской администрации, „большую пользу“ для местного населения, в т. ч. Ингушей¹⁷⁵.

Несмотря на военные неудачи кн. М. С. Воронцова, управлявшего Кавказом в середине XIX в., успехи преобразований в гражданской жизни горцев были значительны, а политика в отношениях с горцами отличалась большей гибкостью, что имело свои благоприятные последствия на протяжении многих десятилетий. В ходе реализации проектов покорения кавказских горцев и внешних войнах первой половины XIX в. использовались отряды из представителей раз-

¹⁶⁹ Только в ведении начальника левого фланга Кавказской Армии постоянно находилось 15 батальонов пехоты, 3 полка линейных казаков, 3 ½ полка Донских и 2 сотни Дунайских Казаков, 3 батареи полевой артиллерии, до 1000 чел. конной милиции из покорных Ногайцев, Кумыков и Чеченцев. Zob. Tamże, k. 52.

¹⁷⁰ Tamże, k. 56.

¹⁷¹ GARF, zesp. 1093, op. 1/9, sygn. 154, k. 13v, 39-40 i nast.

¹⁷² RGWIA, zesp. 330, op. 6, sygn. 362, k. 7.

¹⁷³ RGWIA, zesp. 846, op. 16, sygn. 6584, k. 1.

¹⁷⁴ GARF, zesp. 677, op. 1, sygn. 511, k. 9v.

¹⁷⁵ АКАК, т. 12, art. 561, s. 644.

личных кавказских племен в период кавказской войны. В приказе П. Х. Граббе от мая 1841 год дана высокая оценка действиям горской добровольческой милиции против Чеченцев¹⁷⁶.

Таким образом, на рубеже XVIII-XIX вв. предпринимались первые серьезные шаги по созданию новой военно-административной системы управления горскими народами, выразившейся, главным образом, в установлении наместничества, системы военного и приставского управления. По мере завершения военных действий на Северо-Восточном Кавказе становится очевидной необходимость достижения компромисса с горцами. Вводится военно-народное управление и суд с формальным представительством от местных народов. По мере усиления имперской власти на местную почву переносились общеимперские законы, институты управления (наместничество, губерния), судопроизводство, налоги. Однако все эти преобразования носили спонтанный, необдуманый и недостаточно взвешенный характер, что сказывалось на отношении горцев не только к кавказской администрации, но и к имперскому правительству в целом.

---

¹⁷⁶ М. С. Арсанукаева, *Участие горских офицеров и милиции в военных действиях в Чечне в 20-50-х гг. XIX в.*, [w] *Борьба народов Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в.: спорные вопросы и новые дискуссии. Материалы научно-практической конференции*, red. Р. Р. Гашимов, Derbent 2009, s. 146-151; АКАК, t. 9, art. 270, s. 269.

Streszczenie

Malika Sułtanowna Arsanukajewa

Zarządzanie Czeczenią i Inguszetią w pierwszych dekadach XIX wieku

Autorka analizuje początki formowania się nowego, wojskowo-administracyjnego systemu zarządzania narodami górskimi na północ od Kaukazu na przełomie XVIII-XIX w. Mianowicie, wraz z zakończeniem działań wojennych na Północno-Wschodnim Kaukazie władze rosyjskie starają się doprowadzić do kompromisu z „góralami”. W efekcie wprowadzono mieszane organy administracji (wojskowo-narodowe) i sądy z udziałem przedstawicieli miejscowej ludności. Jednak, w miarę umacniania się władzy Imperium, stopniowo wprowadzano prawa i organy ogólnoimperialne, zarówno administracyjne jak i sądowe. Autorka uważa, że zmiany te nosiły charakter spontaniczny, nieplanowy i nieprzemyślany, co zaważyło na stosunku podbitych narodów, nie tylko do rosyjskiej administracji na Kaukazie, ale i ogólnie do władzy Imperium.

Summary

Malika Sultanovna Arsanukayeva

Administering the Chechnya and Ingushetia in the early decades of the nineteenth century

The Author analyzes origins of the formation of a new, military-administrative system of management mountain nations, north of the Caucasus at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries. So, with the end of hostilities in the Northeast Caucasus, the Russian authorities are trying to reach a compromise with the “Highlanders.” As a result, introduced mixed administrations (military-national) and the courts with representatives of the local population. However, in line with the strengthening power of the Empire, gradually introduced the law and the authorities generally applicable in the Empire, both administrative and judicial. The Author takes the view that these changes bore the character of spontaneous, unplanned and unconsidered, what had an impact on the ratio of the conquered nations, not only to the Russian administration in the Caucasus, but also generally to the authorities of the Empire.